

**Семнадцатый майский день,
или пятидесятые именины сердца**

Посвящение Алене Новиковой

Немногие знают об этом, но есть такой город – Харьков. Американцы обычно называют его Краковым. “So, Salvis (иногда я также Saliver, иногда - Slivo, полное же имя, обычно, - Vyachespak; Алена проходит как Elaine или Eleng), how are the things back home in Krakow?” Со страной, в которой расположен Харьков, дела обстоят еще хуже: Тимбукту для американца топоним более знакомый, чем Украина. “So, what country are you from?” “Ukraine.” “Oh, UK? I knew you were British. By your accent.” “Right.”

Раньше мы подолгу объясняли, что UK – Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии – и Украина, хотя и близки по форме, страшно далеки друг от друга по содержанию. Рассказывали про Советский Союз, Сталина, запорожских казаков, гопак, Горбачева, борщ, пока в наивных американских глазах не появлялся мимолетный, словно вспышка светлячка в кромешной тьме, проблеск радостного понимания: So, you are from Moscow? Больше мы не занимаемся популяризацией географических знаний, и сразу отвечаем: «Нас зовут Eleng и Vyachespak. Мы – из Кракова, Соединенное Королевство».

Но вернемся в Харьков. Именно в этом городе, в этот день, много лет тому назад, родилась Алена. Этот день мы сегодня и празднуем. Но чтобы праздновать его как следует, а не просто напиться, необходимо знать хотя бы основные вехи жизненного пути юбиляра. В случае Алены этот путь вряд ли можно назвать прямым, он скорее напоминает лабиринт, в котором она – рожденная под знаком Быка – блуждает в поисках выхода подобно безумному мифическому Минотавру. Но тем интереснее будет наш рассказ. Он также послужит еще одним подтверждением того, что в даже местах с неблагозвучными названиями произрастают замечательные личности.

Итак, как утверждают историки, Харьков был основан 350 лет тому назад казаком по имени Харько, от которого и название города. Рядом протекает река Харьков. Основал ли и ее казак Харько – науке неизвестно. Не прошло и 300 лет, как в этом городе родилась наша Алена. Произошло это не без участия матери, поэтому несколько слов и о ней. Светлана Степановна родилась тоже в Харькове. Судьба ее с самого начала омрачилась не только названием родного города: она появилась на свет на улице Тюремная. Но Светлана Степановна сумела вырваться из фатального круга: еще в пионерском возрасте полюбив металлолом, она выросла в ведущего металловеда страны. К сожалению, косное советское руководство доверило профессору лишь черные металлы, поэтому семья ее жила довольно бедно. Жила же она на ул. Дарвина (откуда появилось это название - неизвестно; возможно, первоначально улица называлась Солнцедарвина, или Краснодарвина, а потом первая часть отпала) в коммуналке в пресимпатичном домике с башенками, который до революции принадлежал одному - единственному человеку. Алене повезло: как уважаемых в городе людей, ее родителей поселили в помещении бывшего домашнего театра. Помимо них, в этом театре проживала только одна еще семья, состоявшая из одного генерала – героя войны, который занимал зрительный зал. Алениной же семье досталась сцена. На этой сцене Алена сделала свои первые шаги. Без преувеличения можно сказать, что ее появление на свет совпало с ее появлением на сцене. Здесь же Алена пыталась танцевать, неумело подражая

любимым харьковским балетным звездам. Больше всего на свете ей хотелось стать такой как Жизель, быть коварно обманутой прекрасным принцем и затем простить его и спасти от мстительных виллис.

Кто мог поверить тогда, что на смену этим благородным порывам юного сердечка со временем придет хроническое смурное желание задушить собственными руками собственного мужа и детей? Но тогда, тогда Алена порхала по сцене с утра до вечера (родители целыми днями лили чугун и сталь) под аплодисменты благодарной, пусть и не всегда трезвой аудитории – боевого генерала, который, хоть и сидел в первом ряду, не всегда успевал ловить новоиспеченную Жизель, когда она оступалась на неверных своих ножках и падала в оркестровую яму.

Генерал оказался и весьма полезным наставником: он научил Аленушку ходить строевым шагом, ползать по-пластунски, петь «Катюшу», перегрызать колючую проволоку и тянуть носок (у генерала была только одна нога). Все остальное довершила хореографическая школа, ставшая смыслом ее детского существования. Ради нее Алена готова была делать все, даже уроки. Наблюдательная Светлана Степановна сразу подметила это: «Будешь плохо учиться, не будешь ходить в хореографическую школу», - говорила она голосом, в котором звучал металл с повышенным содержанием аустенита. И Алена училась на «5». И танцевала. Танцевала, несмотря на то, что от арабесок и падений в оркестровую яму у нее начали выпадать зубы. Упрямо стиснув оставшиеся, Аленка не сдавалась (может, здесь нужно искать истоки поразительного упорства, того замечательного качества, которое в украинском народе называют «впертість»?)

Но увы: Алену ожидало горькое разочарование: от простой и здоровой украинской еды ее ноги (в верхней их части) не уложились в прокрустово ложе строгих балетных канонов, из-за чего ее не приняли в Ленинградское хореографическое училище. Тогда Светлана Степановна, решив направить дочь по проторенной железной дороге, определяет ее в ХПИ. Алена продержалась на металлургическом ф-те 2 года, которые успели нанести ее тонкой натуре непоправимый ущерб. От высшей математики у нее кружилась голова, она плакала и просилась вниз, на землю, а лучше – на сцену. Светлана Степановна пыталась проявить железную волю и стальную выдержку с применением холодной закалки и термической обработки. Но уже не помогло бы и каленое железо. При виде интеграла Алена кричала, а ноги дергались, отбивая чечетку. Техническое образование закончилось незаконченным.

Алену перевели в институт культуры и отдыха в отделение массовых буйств и народных оргий. Опять начались танцы, Алена вновь зажила культурной жизнью. Все шло хорошо и гладко. До того самого дня, когда Алена встретила со мной. После этого дня Алена вступила в героический этап своей жизни, полный опасностей, самопожертвований и подвигов. Перечислим лишь некоторые из последних.

В 70-е Алена едет со мной в составе агитбригады в Архангельскую область (помоему, там тогда начинались крестьянские волнения, и нужно было поагитировать за Советскую власть). В течение месяца она питалась черемухой и Абу Симбелом. Через год - мы в Башкирии, где она с подружкой детства Ларисой Мироян танцует молдавский танец в украинском костюме, пытаясь вызвать у татар и башкиров чувство пролетарского интернационализма. Там же она переплывает вместе со мной реку Белую (я плыл на спор; Алена же, когда она призналась позднее, поплыла по совсем другой причине: она хотела посмотреть, как я буду тонуть).

Конец 70-х: жестокой зимой Алена прилетает из Харькова в Иваново, где я служил в транспортной авиации. Я не встретил ее (телеграмму принесли только на следующий день). Алена проводит ночь в аэропорту с бездомными собаками. Я вымаливаю себе прощение.

Алена «отходит» и угощает меня привезенным из Харькова кроликом в сметане. Кролик был отравлен. Я едва выжил и больше никогда не опаздывал на встречи с Аленой.

Начало 80-х. Эфиопия. Военное училище. На 2-й год моей службы приехала Алена и поселилась со мной в бараке. Змей вокруг было видимо-невидимо. Алена так кричала, что они все уползали. Не потому, что боялись, а просто им было неудобно, что на них так кричат. Алена поступила на службу полковым библиотекарем. В библиотеке было несколько книг. Все они назывались «Танки идут ромбом». В этом, собственно, не было ничего страшного, потому как все офицеры и прапорщики, заходившие в библиотеку, спрашивали, есть ли книга, которая называется «Танки идут ромбом».

В бараке за тонкой перегородкой жил полковник по фамилии Жук. Полковник имел обыкновение отрабатывать тактические занятия со своими подчиненными офицерами у себя дома. И вот как-то раз Алена сидела на кровати и вязала, когда из-за перегородки послышался командный голос полковника: «Командир по радию передает: Береза, Береза, я Орел». Затем шли какие-то военные тонкости, потом опять: «Береза, Береза, я Орел». «Береза, Береза, я Орел». И так бесконечное количество раз. Наконец Алена не выдержала да как закричит: «Да никакой ты не орел, а - жук!» Воцарилась гробовое молчание. Офицеры разошлись. Но зато после этого Алена (а заодно и я) пользовалась в гарнизоне большим авторитетом.

По переезде в Нью-Йорк жизнь Алены превратилась просто в один сплошной и кромешный подвиг. Тяготы армейской жизни сменились непосильным домашним трудом и неблагодарными усилиями по воспитанию извергов-детей и уходу за мужем-самодуром. Жертвенность усугублялась еще и тяжкими условиями труда, сопряженными с моей профессией синхронного переводчика. В подтверждение см. фильм «The Interpreter» или следующие выдержки из электронных сообщений, которые я посылал Алене из очередной далекой командировки.

День 1-й. Алена, привет! Пишу из Лондонского аэропорта. Business lounge – полное дерьмо, джин только «Гордон», пить невозможно. Очень устал от перелета. Болит лицо от горячих восковых ванночек, которые делали в бизнес-классе.

День 2-й. Долетели. Заурядный тропический остров. Пыльные пальмы, морская соль на коже, раскаленный песок вперемешку с сигарными окурками. Вокруг – обездоленные островитяне без доступа к санитарии и образованию. Дикая, дикая влажность, особенно в море. Страшная жара. Поселили в самое пекло – прямо на берегу моря.

День 4-й. Очень много работы. К морю подойти некогда, да и невозможно: все время шторм 9 баллов. Ветер такой сильный, что на балконе в моем номере переворачивает стаканы, если они ничем не заполнены. Приходится переходить на балкон, выходящий на другую сторону – на лагуну, но там шумит водопад. Какой-то ужас.

День 8-й. Работа задавила. После заседаний успеваю только захватить блокнот и забежать в бар внизу (такая дыра) - подтянуть испанский, грех упускать такую возможность.

Командировочные маленькие, экономим на еде, чтобы вечером хватило на пару дайкири с мохито.

День 10. Соловьев стал красного цвета как рак, хотя не загорает (да и некогда). Доступа к медицинскому обслуживанию у нас нет, но Кочетков, у которого жена врач, сказал, что это – лобстерная интоксикация. Я посоветовал Игорю хотя бы в завтраки воздерживаться от омаров. Уповаем на скорейшее выздоровление.

День 11-й. Сегодня чуть не погиб. Парусная лодка, на которой мы с Ангарским буквально на 10 минут вышли в открытое море, перевернулась и меня огрело мачтой по голове.

Удивительная вещь: во время удара с меня каким-то образом слетела футболка (та самая, что ты подарила мне на серебряную свадьбу), и ее поглотила пучина. А вчера у Кирилла украли пляжное полотенце, а у Игоря – вьетнамки, и им теперь буквально не в чем ходить на работу.

День 12-й. Ситуация продолжает ухудшаться. Оказывается, местные болотные испарения могут вызывать галлюцинации, а то и yellow fever (желтую горячку). Единственное средство – ром (очень, кстати, низкого качества). Скорее бы все это кончилось...

День 13-й. Ром не всегда срабатывает. Вчера ночью к Вовану в номер пришел «гроза морей» капитан Морган с попугаем на плече и 2-мя игуанами, которые исполнили песню про команданте Че Гевара. Надо отдать Вовану должное: он ничуть не испугался, капитану сказал, что тот – пендехо, петь не умеет, и пусть больше не приходит. Попугая он выбросил с балкона. А с игуанами договорился: теперь они приходят каждый вечер петь кубинские революционные песни.

День 20-й. Слава Богу, все позади. Сегодня улетаем. Прощай навсегда, гнилая лагуна, прощай проклятое море...

Есть ли нужда говорить, что все это время, пока я, не покладая рук, работал в опасных условиях тропиков, Алена смиренно несла тяжкое бремя домашних обязанностей. Но она не унывала. Только раз она позволила себе слабость. Озверев от мужского окружения, она решила найти себе родственную душу. Так в нашем доме появилась собака Эбби – сварливое, зловередное, злопамятное и кусачее коричневое существо. Ужаснувшись содеянному, Алена решила искупить вину благотворительством и пошла работать в школу. На ее уроках физкультуры проповедуется любовь к ближнему и примирение. Никакой соревновательности и зависти. Вот на расчет выстроился 1-й класс. Самый высокий мальчик начинает: 1-й! Рядом с ним стоит мальчик в толстых очках, в которых едва помещаются близорукие глаза. Он смотрит на своего соседа, улыбается и тоже говорит: «1-й!» Он же в игре в футбол забивает гол в свои ворота и радуется: «Попал! Попал!», а Алена журит других членов его команды, учит, чтобы те не называли его придурком, козлом и мудаком. А вот веселая симпатичная азиатка, пришедшая на урок с голым торсом. Смеется: «Мама юбку дал, кроссовки дал, а футболку – забыл...» А еще есть танцы, танцы, танцы...

Что движет Аленой? Любовь к детям вообще или подспудное желание защититься от обид, хотя бы на своих уроках, очкарика и смешную казашку? Может быть, в любимой своей Арише она видит саму себя – Арише так же все легко дается в танце, и она так же своим телом нарушает балетные нормы. Или в Алене по-прежнему живет Жизель, призванная любить и прощать?

И что уж точно живет в Алене - так это толстая поваренная книга, которая называется «О вкусной и полезной пище». Мы все этому живые свидетели. Вы же солянку ели? Это же не солянка, а памятник кулинарного искусства. А мы его съели. И за это говорим спасибо Алене и всему тому, что способствовало ее появлению в нашей жизни такой, какой мы ее знаем.

А поэтому:

Да здравствует Харьков!

Да здравствует Тюремная улица!

Да здравствует Светлана Степановна!

Да здравствует ул. Дарвина!

Да здравствует Советская Армия!

Да здравствует семья и школа!

Да здравствуют гости, дети и звери!

Да здравствует Алена!

Нью-Йорк, 17 мая 2005г.